

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

НОВЫЕ ДАННЫЕ О В. П. ПЕТРОВЕ КАК АВТОРЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» (КРОВАТЬ У В. И. МАЙКОВА И В «СЛОВЕ...»)

© *Демидов Дмитрий Григорьевич*

доктор филологических наук, доцент,
факультет славянских языков и литератур,
Государственный университет Чжэнчжи
Тайвань, г. Тайпэй 11605, ул. Чжинань, район Вэньшань, д. 64, секция 2
E-mail: demidoffs@rambler.ru

Анализируется послание «К великой государыне Екатерине Второй, самодержице всероссийской» В. П. Петрова (вторая половина 1770-х гг.). В нем подробно и образно излагаются творческие принципы автора, характерные и для «Слова о полку Игореве». В этом произведении придворного поэта Екатерины II выявлена скрытая полемика с его давним оппонентом В. И. Майковым. Карикатурному и навязчивому образу кровати в поэме В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» В. П. Петров как предполагаемый автор «Слова...» противопоставил и поэтически возвысил трагический образ-символ кровати, означающий гроб. Полное введение «Слова...» в литературный контекст конца XVIII в. позволяет или находить подтверждение гипотезе позднего происхождения этого памятника русской словесности и авторства В. П. Петрова, или уточнить представления о литературном процессе предпушкинской поры, включив в него «Слово о полку Игореве».

Ключевые слова: образ; сатира; трагедия; литературная полемика; лиро-эпическая поэма; интертекстуальные связи; литературный контекст; литературный процесс.

Для цитирования

Демидов Д. Г. Новые данные о В. П. Петрове как авторе «Слова о полку Игореве» (кровать у В. И. Майкова и в «Слове...») // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып 4. С. 32–39.

Когда мы имеем дело с анонимным литературным произведением неизвестного времени происхождения, необходимо тщательно изучить литературные контексты всех возможных периодов его написания. Только так непредвзятый исследователь сможет установить историко-филологическую истину, ибо истина всегда выше тех или иных конъюнктурных установлений. Подмена объективного научного поиска научно-популярными нарративами в ответе на тот или иной нерешенный вопрос из истории отечественной словесности чревата конфликтом общества и науки, от такого конфликта проигрывают обе стороны.

Не решенный в науке вопрос о времени и авторстве создания «Слова о полку Игореве» ничуть не умаляет особых нравственно-патриотических и литературно-эстетических достоинств произведения. Оно творчески освоено несколькими поколениями лучших русских поэтов, композиторов, драматургов, прочно вошло в сокровищницу российской культуры и навсегда стало ее лучшим достоянием. Эта оценка не подлежит ревизии ни при каком ответе на не решенный пока во-

прос об эпохе, обстоятельствах, авторстве и редакторстве «Слова...». Пути для свободной атрибуции «Слова...» открыты и школьному педагогу, и ученому, ср.: «Вдумчивый читатель, в частности школьный педагог, может сам выбрать среди разных мнений наиболее для него убедительное или симпатичное» [12, с. 11]. Попыток рассмотрения «Слова...» в литературном контексте древнерусской словесности более чем достаточно. К сожалению, не хватает работ по возможным интертекстуальным связям «Слова...» с произведениями XVIII в., на основе которых был бы сделан полноценный вывод об участии или неучастии этого великого произведения русской словесности всех времен в литературном процессе конца XVIII в.

Ряд работ, написанных С. В. Власовым и мною [2; 3; 4; 5; 6; 7], требует более внимательно отнестись к творчеству В. П. Петрова, который, по всей видимости, и создавал нарочитые «темные места» в «Слове...». Его собственные поэтические произведения дают ключ к прояснению целей такого необычного приема. Свои эстетические принципы Петров подробно и образно изложил в Послании к Екатерине (вторая половина 1770-х гг.) [11]:

Между стихами од нет лучше да поэм,
Затем что род сей полн гадательных эмблем;
Не *исо* тут, *ерок*, *кавыка* иль *вария* –
Всё ероглифика да всё аллегория;
Пиит, ни тычки вон, - египетской мудрец;
Задачи он дает, – реши хоть лопни чтец.
На время, так сказать, из света он уходит;
По солнцу, по луне, по всем планетам бродит;
Ты в рай за ним летишь, а он уже в аду;
Ты в ад, ан в ветошном толчется он ряду;
Ты в ряд, при Истре он уже из пушек жарит,
То в политавры он, то в барабан ударит;
То на Иване вдруг Великом чудесит,
Во все колокола, опутавшись, звонит [11, с. 279].

«Гадательные эмблемы» мы находим и в «Слове...» [14]. Сила этого произведения заключается в смелом и стремительном переносе образа автора из эпохи великого князя Владимира в эпоху Игоревы похода на половцев 1185 г., при введении образа легендарного *вещего Бояна* и диалоге с ним, с припоминанием *вечей Трояних, лет Ярославлих, полков Олега Святославича*. Старый Киевский князь Святослав произносит «Злато слово», в котором вспоминается *время Бусово* и выстраивается длинная череда русских князей разных предшествующих поколений. Столь же по-петровски выглядит молниеносная смена места действия: *земля Половецкая (поле Половецкое), земля Русская, тропа Трояня, Дон, Сула, Киев, Новгород, Путивль, чистое поле, земля незнаема, Волга, морие, Сулие, Сурож, Корсунь, Тьмутаракань, Чернигов, Каяла, Святая София в Киве, земля Трояня, синее море, лука моря, у Плесньска на болони, дебрь Кисаню, брег синего моря, горы Угорские, Дунай, Рось, Переяславль, Двина, Белгород, Немига, Дудутки, Полотск, Путивль, Донец, Стугна, Боричев, Святая Богородица Пирогощая. Русская земля* повторяется многократно (20 раз) своеобразным контрапунктом всего произведения. Неоднократно, но уже реже, упоминается и *Киев* (7 раз и еще 2 раза косвенно: *столь Киевский, горы Киевские*), а среди рек, по-

мимо *Дона* (15 раз), мистическая река *Каяла* – река раскаяния (6 раз). Таково сложнейшее распределение локумов.

Ряд часто обсуждаемых художественных особенностей «Слова...» изложена В. П. Петровым еще во второй половине 1770-х гг., когда создавалось Послание:

Чудесной лабиринт из замыслов составь;
Но к той же точке все околицы направь;
То выпусти весну, то молнии и громы;
Тут вновь построй, там рушь и башни, и хоромы;
Бездушну тварь душой, как Бог, вдохнови;
Во бытие, чего нет в свете, призови;
Всё, что прекрасно есть, велико и чудесно,
В сложении твоём заставь блистать совместно.
Сокровище души богатой обнажи;
Отечества любовь отечеству кажи;
Уверь сограждан, чье она перо предводит,
Толь мысли важные, и путь в сердца находит [11, с. 277].

Здесь говорится и о необходимой в хорошем произведении совокупности трудно разгадываемых замыслов, и о сквозных образах, к которым автор возвращается вновь и вновь, и о характерных стихиях молнии и грома, и о батальных сценах, и о мифических персонажах (*Карна, Жля, Слава, Обида*), и о лиризме, прекрасно совместимом с патриотическим чувством, как это и выражается в лиро-эпическом «Слове...». Петрову, возможно, не без помощи редактора Н. М. Карамзина, удалось найти «путь в сердца» русских читателей многих поколений.

Перечисляя мифических персонажей М. Д. Чулкова, Петров распространяет их на общее начало поэзии:

Все дуси воздуха, земли, небес и ада,
По росту, старшинству, заслугам и чинам,
Как кликаны в его стихи по именам [11, с. 280].

Тут же, в качестве примера, появляется *Дий*, который превратится в «Слове...» в *Дива*.

Об идеях и образах, густо рассыпанных по «Слову...», можно в точности сказать, что они в голове екатерининского стихотворца «...как в царстве мертвых тени, / Теснятся, давятся, копышутся, кишат, / И сами выскочить из тьмы на свет спешат» [11, с. 277]. Свои стихи Петров называет «живописью», живописно и «Слове...» (и даже кинематографично, причины чего объяснены А. А. Бурькиным [1, с. 152–170], убедительно показавшим, что в «Слове...» точно изображены миниатюры Радзивилловской летописи). Причем некоторые эпизоды совершенно сознательно не закончены: «Не докончав одной, другую кажет сцену» [11, с. 280]. Особенно излюбленны батальные сцены: «Война – любимой нрав парнасских храбрых чад» [11, с. 288].

Разбираемое Послание позволяет раскрыть истоки некоторых образов. Боян в «Слове...» именуется соловьем старого времени, он скачет по воображаемому древу, летает умом под облака (вверх), «ришет в тропу Трояню чрез поля» (по равнине) на горы (снова вверх, но уже по суше). В Послании поэт «Вне дела исписал бумаги с полстопы, / Однако до своей допнался же тропы» [11, с. 286]. Значит, *тропа Трояня* – это свой собственный творческий метод, как у Гомера.

Императрица Екатерина II наверняка прочитала Послание поэта, незадолго до этого приглашенного ею в Петербург и взятого в библиотекари за удачно со-

чиненную по ее заказу оду «На карусель» (1766), и, как обосновано ранее С. В. Власовым и мною, составила новый заказ, который известен как «Краткое содержание Слова» в бумагах Екатерины [8]. Зная литературные предпочтения поэта, она сама, либо через Г. Р. Державина поручила сочинять новую художественно-историческую реконструкцию В. П. Петрову. Педагогическое значение «Слова...» сомнений не вызывает и, скорее всего, входило в первоначальный замысел императрицы, заботящейся о воспитании своих внуков – великих князей Александра и Константина Павловичей.

В том же стихотворении [11] Петров развивает мысль о недопустимости в прозе и стихах «мешать желчь и яд» и намекает на сатирическую поэму Василия Ивановича Майкова «Елисей, или Раздраженный Вахх» (1771) [10]. Воображаемый критик (т. е. В. И. Майков) в стихотворении

Сквозь звук моей трубы и лиры вопиет:
«Что ты, - гласит, - певец, парнасской полон спеси,
Кричишь так, пьяного во образе Елеси?...» [11, с. 282].

Далее следует нелицеприятная оценка поэмы Майкова, которой высмеивает петровский перевод «Энеиды».

Если «поэма “Елисей” поставила Майкова в центр журнальной полемики и столкнула его с двумя противниками – В. П. Петровым и М. Д. Чулковым» [9, с. 11], то эта полемика надолго осталась в памяти Петрова и вполне вероятно встретит ее отзвуки в «Слове...», что подтвердило бы его авторство.

Ямщик Елисей и его жена, по ходу поэмы, оказываются героями разных любовных приключений. Будучи взятым под стражу и попав в Калинин дом, где содержались на исправлении женщины легкого поведения, он приглянулся начальнице.

Начальница и так ему повелевает:
«Когда ты хочешь быть здесь весел и счастлив,
Так ты не должен быть, детинушка, болтлив;
Молчание всего на свете сем дороже:
Со мною у тебя едино будет ложе,
А попросту сказать, единая *кровать*,
На коей ты со мной здесь будешь ночевать;
Но чтоб сие меж нас хранилось без промашки,
Возьми иголочку, садись и шей рубашки» [10, с. 103].

Она «готовила *кровать*, / На коей по трудах ему опочивать» [10, с.106], но, как на грех, той же начальницей прельстился командир стражи. Он мечтает: «Неужели она в сем даре мне откажет, / Что на *кровать* свою уснуть со мной не ляжет?» [10, с. 107].

В нечистом помысле приходит к той комнáтке,
В которой бабушка со внучком на *кроватке*.
Она за полчаса пред ним туда пришла
И Елисея в ней храпящего нашла;
Дрожащею рукой его она толкает
И тихим голосом Елесею раскликает,
Касаяся ему, по имени зовет:
«Проснися, Елисей, проснися ты, мой свет!»
Елесея, пробудясь, узрел святую мати,
Подвинулся и дал ей место на *кровати* [10, с. 07].

Пользуясь шапкой-невидимкой, Елеся наслаждался жизнью с начальницей. В конце концов она наскучила ему, и он ночью тайно убежал, а начальница «Упала на *кровать*, вскричала: “Ах мой свет! / Куда, Елесенька, куда ты отлучился?”» [10, с. 110]. Свою одежду Елеся сменил на женскую, чтобы быть незамеченным в женском исправительном доме. Убегая, он оставил свой камзол и порты у начальницы. Наутро решил заглянуть к ней командир стражи. «Портков схватить с собой с камзолом не успела, / Вскочила на *кровать*, а тот уже вошел...» [10, с. 111]. Получилась типичная комедия положений.

Встретившись со своей женой, Елисей выслушивает рассказ, как она посчитала себя вдовой и, чтобы восполнить нехватку средств к существованию, пошла на работу к немцу:

Но барин был ко мне как к ниточке игла:
Однажды вечером, как спать уж я легла,
А барин тихо встал со женой *кровати*,
Пришел ко мне и стал по-барски целовати.
Проснулася жена, потом рукою хватъ,
Ан стала без мужа пустехонька *кровать*.
Мы с ним лежим, а та с своей постели встала
И нас в другой избе лежащих с ним застала [10, с. 116].

В другой раз ловкий Елеся зашел в дом к жадному купцу-откупщику (поэма высмеивала этот несправедливый род занятий): «Елеся в дом заполз в кафтане, буд-то рак, / И прямо под *кровать* купецку завалился» [10, с. 121]. В это время

Летят и дождь, и град, и молния на низ.
Премена такова живущих в ужас вводит:
Не паки ли Зевес в громах к Данае сходит?
Не паки ль на нее он золотом дождит,
Да нового на свет Персея породит?
Не Зевс, но сам ямщик встает из-под *кровати*,
Идет с купецкою женою ночевати.

<...>

Приятное лицо и алые уста
Всю кровь во ямщике к веселью возбуждали
И к ней вскарабкаться на *ложе* принуждали.
Не мысля более, он прямо к ней прибег
И вместе на *кровать* с молодушкою лег [10, с. 121–122].

В своей поэме Майков неоднократно сталкивает в одном контексте высокий синоним (здесь *ложе*) и общеупотребительное слово (здесь *кровать*) ради достижения сатирического эффекта. Нет сомнения, что образ кровати является сквозным. Всего слово *кровать* употребляется один раз в «Содержании поэмы» и 14 раз в ее основном тексте. Можно сказать, оно становится просто навязчивым.

Это, конечно же, не осталось незамеченным Петровым, и он, по всей видимости, не оставляя творческой полемики с Майковым, также два раза ввел образ кровати в «Слово...». Сначала на *кровати тисовой* возлежал престарелый великий князь Киевский Святослав: «А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполomoю, на *кроваты тисовѣ*. Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахутьми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя» [14, с. 23]. Затем кровать появляется в сцене гибели Изяслава Васильковича в бою с

литовцами: «Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подь чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи. И схоти ю на *кровать*, и рекъ: дружину твою, Княже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша» [14, с. 33–34].

Обе сцены преисполнены неподдельного трагизма. Шаржированное паясничанье Майкова Петров оборачивает в «Слове...» судьбоносными историческими преданиями, связанными с тяжелым исходом событий, противопоставляя карикатурности и пошлости майковского образа высокую трагичность и загадочную мифологичность своего образа. Сцена с «мутным сном» содержит тревожную догадку о гибели Игоревы войска. *Кровать тисова* означает гроб [15]. В сцене гибели Изяслава упоминается Слава. Полагаем, что этот образ входит в число других богинь «Слова...» – Обиды, Карны и Жли. Глагол *притрепати* известен в значениях ‘дергая, измять, испортить’, ‘избить, убить’ и ‘погладить, приласкать’ [13]. В силу этого вполне возможна игра смысла: приласкал Славу, а сам оказался убитым. Примерно такое толкование дают Л. А. Булаховский, Д. Наумов, В. И. Стеллецкий [13]. Если отказаться от конъектур, то глагол **схотити* придется понимать как авторское новообразование Петрова, стилизованное под древнерусское слово, каковых немало в «Слове...». Местоимение жен. рода ед. числа в вин. падеже *ю* относится к слову *Слава*, и весь контекст можно понять как «надругался над Славой своего деда».

Глагол *схотити* созвучен глаголу *похитити*, который встречается в начале «Злата слова Святослава» в контексте с той же *Славой*: «А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Ти бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную *славу*. Нѣ рекосте му жа имѣся сами, преднюю *славу* сами *похитимъ*, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся братіе стару помолодити?» [14, с. 27]. Следовательно, *схотити* можно понимать как ‘похитить, исхитить’. Если во «Сне Святослава» *кровать* символизирует гроб, то и здесь *схоти ю на кровать* следует понимать как перифразу «погубил её», буквально, «загнал в гроб». Аллитерация *на кровавѣ травѣ* и *схоти ю на кровать* так же несомненна, как и аллитерация *похитимъ* и *схоти*. У Петрова аллитерация играет активную смыслообразующую роль.

В сентиментальной поэзии любовь соседствует со смертью. Этот мотив В. П. Петров «иероглифически» заложил и в сцену гибели Изяслава. Погнавшись за вожденной *Славой*, самонадеянный князь погубил и ее, и себя, и свою дружину. Символическим образом кровати поэт ломоносовской школы дает достойный ответ своему давнему оппоненту В. И. Майкову, о котором он выразился весьма неприглядно:

Ты не пиит: твой слог болото, не река.
Предавшись дум своих неукротимой буре,
Ты не последуешь рассудку и натуре;
Ворвясь во вертоград, игривое козля,
Лишь только портишь, что произнесла земля [11, с. 282].

Игривому настрою поэтов вроде В. И. Майкова Петров противопоставляет свой дерзновенный образ поэта, сопоставимый с царем:

Восторжествуй, мое по хартий перо!
Пусть видит свет, коль ты на почерки остро.
Рисуй, опять рисуй пиитов превосходство,
И наше довершай с царями лестно сходство!

<...>

Пусть тощи наши суть все зѣкромы, лари,
Стяжавцы мы ума – и следственно цари.
Хоть кротость и самих монархов украшает,
Богата рифма нам быть кроткими мешает [11, с. 286–287].

Итак, подтверждается авторство «Слова...». В поэзии В. П. Петрова, придворного поэта Екатерины, мы находим подробное изложение творческих принципов, на основе которых создано и «Слово...». Многократное повторение *кровати* как постоянного аксессуара, сопровождающего фривольные сатирические сценки в «Елисею» В. И. Майкова, не могло не обратить внимание предполагаемого автора «Слова...» и его давнего поэтического оппонента. Преследуя основную цель художественно-исторической реконструкции древней песни, В. П. Петров мастерски воспользовался этой возможностью продолжить скрытую полемику с В. И. Майковым и возвысить, облагородить, реабилитировать образ кровати, возратить ему подобающее поэтическое достоинство. Полное введение «Слова...» в литературный контекст конца XVIII в. позволит либо отказаться от гипотезы позднего происхождения этого архаизированного произведения русской словесности и авторства В. П. Петрова, либо внести уточнения в наши представления о литературном процессе предпушкинской поры, включив в него «Слово о полку Игореве».

Литература

1. Бурькин А. А. Слово о полку Игореве. Текст, язык, автор. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 416 с.
2. Власов С. В. Некоторые материалы к опыту сравнительного анализа военных образов в «Слове о полку Игореве» и в оде В. П. Петрова «На взятие Измаила» (1790) // Язык и социальная динамика: спец. вып. Ценности социума. Красноярск, 2013. С. 169–181.
3. Власов С. В., Демидов Д. Г. Что могут сказать современные лингвисты о времени создания «Слова о полку Игореве»? (Критические заметки по поводу книги А. А. Зализняка «“Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста») // Вестник Лит. ин-та им. А. М. Горького. 2014. № 4. С. 6–37.
4. Власов С. В., Демидов Д. Г. О соотношении екатерининской копии «Слова о полку Игореве» и других сопутствующих материалов из архива Екатерины II // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемешева. СПб., 2015. С. 668–703.
5. Власов С. В., Демидов Д. Г. Военно-политическая тематика и ее репрезентация в «Слове о полку Игореве» и в русской литературе второй половины XVIII века // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. научн. тр. Вып. 8. Дискурсы рефлексии: филологические практики в контексте исторического мышления. Минск: РИВШ, 2019. С. 177–193.
6. Демидов Д. Г. Поэзия В. П. Петрова и «Слово о полку Игореве» // Вестник Владимир. гос. ун-та им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. 2018. № 1 (17). С. 61–72.

Д. Г. Демидов. Новые данные о В. П. Петрове как авторе «Слова о полку Игореве»
(кровать у В. И. Майкова и в «Слове...»)

7. Демидов Д. Г. Поэт В. П. Петров и историк Н. М. Карамзин как автор и редактор «Слова о полку Игореве» // Вестник ф-та рус. яз. и лит. Ун-та китайской культуры (Тайбэй, Тайвань). 2019. Вып. 19. С. 99–120.

8. Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследование. М.–Л.: АН СССР, 1960. 379 с.

9. Западов А. В. Творчество В. И. Майкова // Майков В. И. Избранные произведения / вступ. ст., подг. текстов и прим. А. В. Западова. М.; Л., 1966. С. 5–52.

10. Майков В. И. Елисей, или Раздраженный Вакх // Майков В. И. Избранные произведения. С. 73–134.

11. Петров В. П. К великой государыне Екатерине Второй, самодержице все-российской // Петров В. Выбор Максима Амелина. Оды, письма в стихах, разные стихотворения. М., 2016. С. 273–294.

12. Ранчин А. М. «Слово о полку Игореве»: путеводитель. СПб.: Нестор-история, 2019. 272 с.

13. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 вып. / сост. В. Л. Виноградова. Л., 1965–1984 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/> (дата обращения: 06.12.2020).

14. Слово о пълку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. М., 1800.

15. Соколова Л. В. Сон Святослава // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/slovenс/es/> (дата обращения: 06.12.2020).

NEW DATA ABOUT V. P. PETROV AS AUTHOR OF "THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN"

Dmitrii G. Demidov

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,

Department of Slavic Languages & Literatures,

National Chengchi University,

Sec. 2, 64, ZhiNan St., Wenshan District, Taipei City 11605, Taiwan

E-mail: demidoffs@rambler.ru

The article reviews the message "To the Great Empress Catherine II, the autocrat of All-Russia" by V. P. Petrov (second half of the 1770s). It sets forth in detail and figuratively the author's creative principles, which are also characteristic of "The Tale of Igor's Campaign". This piece by the court poet reveals a latent polemic with his longtime opponent V. I. Maikov. The caricature and obsessive image of a bed in V. I. Maikov's poem "Elisha, or the Irritated Bacchus" is in sharp contrast with the tragic image-symbol of a bed as a coffin by V. P. Petrov who is allegedly the author of "The Tale of Igor's Campaign". A complete introduction of "The Tale of Igor's Campaign" into the literary context of the late 18th century allows either to confirm the hypothesis of the late origin of this Russian literature monument and authorship of V. P. Petrov, or to clarify ideas about the literary process of the pre-Pushkin era, including "The Tale of Igor's Campaign".

Keywords: image; satire; tragedy; literary controversy; lyric-epic poem; intertextual connections; literary context; literary process.